

**Военные
Приключения**

ПОД СВИСТ ПУЛЬ

АНАТОЛИЙ ПОЛЯНСКИЙ

Военные приключения (Вече)

Анатолий Полянский

Под свист пуль

«ВЕЧЕ»

2020

Полянский А. Ф.

Под свист пуль / А. Ф. Полянский — «ВЕЧЕ», 2020 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4484-8378-3

Неспокойно на участке только еще обустривающейся российско-грузинской границы, которую прикрывает отряд полковника Агейченкова. Дерзко пытаются прорваться через нее большие и малые бандформирования, где-то находится таинственный канал, через который проносятся фальшивая валюта и наркотики. День и ночь пограничники живут в состоянии постоянной готовности отразить нападение жестокого и коварного врага. Роман одного из старейшин отечественной остросюжетной литературы, удостоенного за свое творчество многих литературных премий.

ISBN 978-5-4484-8378-3

© Полянский А. Ф., 2020

© ВЕЧЕ, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анатолий Полянский

Под свист пуль

«Военные приключения»® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство «Вече». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Полянский А.Ф., 2020

© ООО «Издательство «Вече», 2020

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Глава 1

Выглянувший из-за гор краешек солнца позолотил снежные вершины. Они стали ослепительно-белыми с еле уловимым красноватым оттенком. Только что проснувшийся полковник Агейченков выглянул в подслеповатое оконце палатки, в которой жил уже более года, и залюбовался открывшейся панорамой.

Николай Иванович вообще вставал рано, еще до общего подъема отряда, которым командовал. Выросший среди гор, он безотчетно любил их дикую красоту и безмолвное спокойствие. Мог смотреть на них часами, чувствуя, как легко и безмятежно становится на душе. Подкрашенный сверху розовым налетом белоснежный главный Кавказский хребет, представший перед глазами, напомнил ему тот огромный букет бледно-алых роз, что он когда-то преподнес Тамаре в день свадьбы. Как давно это было... Даже не верится, что с тех пор прошло... нет, пролетело почти двадцать лет. Ужасный срок! Считай, жизнь целого поколения. А что?.. Сравнение точное. Вон Вовка скоро, как и отец, наденет зеленую фуражку. Ему почти восемнадцать, и он собирается поступить в пограничное училище. Но как дурацки получилось! Шесть последних лет вычеркнуты из семейной жизни напрочь! Черт его знает почему, они с Тамарой столько времени в разводе...

Агейченков снова взглянул на горы. До чего ж они прекрасны! Его отец тоже был пограничником и всю жизнь прослужил среди этих каменных великанов на армяно-турецкой границе. А сын-то всегда был при нем. Потому и привык к такому пейзажу, сросся с ним и уже не мыслит себя иначе, чем среди этих величественных, врезающихся в глубину прозрачного неба вершин.

Резкий звонок полевого телефона, стоящего на столе в первом отсеке палатки, который служил Агейченкову своеобразным кабинетом, заставил его вздрогнуть. Столь ранний сигнал не предвещал ничего доброго. Николай Иванович знал это по горькому опыту: зря командира в такое время беспокоить на стали бы. Он не ошибся.

– У нас ЧП, товарищ полковник! – доложил оперативный дежурный взволнованным голосом. – Трое людей погибли, напоровшись на засаду боевиков!

Оказалось, что развозившая по заставам первой комендатуры продовольствие машина попала в засаду и была расстреляна в упор. Погибли водитель, интендант-контрактник и сопровождавший их прапорщик. Нападавшие явно охотились за оружием пограничников, да и содержание кузова их наверняка интересовало. Однако попользоваться трофеями чеченцам не удалось. Помешали артиллеристы, возвращавшиеся с дальних позиций, занимаемых для обстрела подозрительных районов, на свое основное место дислокации. Их тягачи с орудиями на прицепе шли следом за автомобилем с провиантом километрах в трех. Услышав приближающийся грозный рокот мощных двигателей, бандиты конечно же испугались и, не воспользовавшись добычей, бежали в горы.

– Где это случилось? – спросил Агейченков, продолжая морщиться. Гибель людей он всегда переносил, как личную трагедию.

– Неподалеку от первой комендатуры, – ответил дежурный. – Там Аргун делает крутой зигзаг.

Николай Иванович хорошо знал это место. Дорога здесь, огибая реку широкой петлей, просматривалась метров на пятьсот. Идущую по трассе машину со склонов видно как на ладони, и заметно издалека. Лучшего места для засады трудно придумать.

Вот и опять достукались до гибели людей, с горечью подумал Агейченков. Говорил же он Еркову, что тут нужно выставить постоянный пост наблюдения. Так нет, начальник штаба был с ним не согласен.

– Подумай, – сказал он, – ежели так рассуждать, то надо организовывать сильное прикрытие у каждого изгиба реки. Но для этого даже при наших огромных штатах ни людей, ни техники не хватит. Все протоки, тропы, промоины, где могут пройти и засесть боевики, а их сотни, личным составом не прикроешь.

Конечно, в какой-то мере Еркков прав. В пограничных войсках действительно нет отряда, усиленного столь мощно. По количеству людей и техники им нет равных. И все равно на границе здесь, в горной Чечне, столько потаенных лазов, что их при всем желании людьми не заткнешь. Тут нужен какой-то иной подход в несении службы. Знать бы только, какой именно?

Они часто спорили с начальником штаба, считавшим, что командир у них совсем еще «зеленый». Еркков служил в погранвойсках уже свыше тридцати лет и наверняка надеялся стать во главе отряда после ухода прежнего командира. А тут взяли и прислали на это место выпускника академии, которому еще и сорока-то нет. Из молодых да ранних...

Так, судя по всему, считал бывалый пограничник, прошедший все ступени по служебной лестнице, отстаивая свою точку зрения. По крайней мере, именно таким образом Агейченков воспринимал неуживчивость и строптивость своего начальника штаба, которого искренне уважал. Опыт у него был, разумеется, огромный. Но он, как полагал Николай Иванович, придерживался устаревших взглядов. В двадцатом веке так, как раньше, охранять границу уже нельзя. Нужен новый подход. Ведь на их высокогорном и, пожалуй, самом опасном участке, окончательная схема еще не сложилась. Но Агейченков думал над этим постоянно. Возможно, он пришел бы уже к каким-то определенным выводам, если б не мешали. К сожалению, по старинке рассуждал не только начальник штаба, а и Метельский, первый зам, недавно прибывший к ним их штаба регионального управления. С ним тоже приходилось считаться. Тем более что Максим Юрьевич, поговаривали, имел кое-какие связи даже в Москве. Недаром же он в свои тридцать четыре был уже полковником и явно метил в генералы...

– В округ уже доложили о случившемся? – спросил Агейченков у дежурного.

– Так точно. Помощник сразу же позвонил и сообщил.

– Хорошо, командующему я сам доложу позже. Его в такое раннее время еще нет в штабе. А сейчас дайте команду приготовить к выезду мою машину. И поскорее, пожалуйста!

Минут через пятнадцать командирский уазик уже мчался по серпантину вниз, по направлению к Аргунскому ущелью. Однако добраться от Тусخورя, где располагался штаб и основные резервные силы отряда, до первой комендатуры было не так-то просто. Путь предстоял неблизкий.

Понимая всю серьезность момента, водитель гнал машину на предельной скорости. Броник с охраной, всегда сопровождающий командира, вскоре отстал.

– Наших что-то не видно, – оглянувшись, обеспокоенно сказал шофер. – Может, подождем?

Он имел самое строгое указание не ездить с командиром без охраны.

– Не стоит, – махнул рукой Агейченков, – жми, Ваня! Нам надо до места скорее добраться.

Он произнес это, почти не разжимая закаменевших и сразу посеревших губ. Сузившиеся ярко-голубые глаза приобрели свинцовый оттенок и смотрели на горы так пристально, словно хотели раздвинуть их и поскорее добраться до места происшествия. Николай Иванович всегда мучительно переживал гибель людей. Да, он понимал, что идет война и она не обходится без жертв. И все же каждый раз в таких случаях у него появлялось неосознанное чувство вины. Будто он чего-то недосмотрел, недоучел, недоделал, чтобы предотвратить трагедию.

Случившееся было, конечно, не первым ЧП с летальным исходом в отряде, что, наверное, в какой-то мере и естественно. Ведь они стояли на самом опасном участке границы, совсем недавно здесь установленной. Дело в том, что в первую чеченскую войну горная часть республики не была занята федеральными войсками. Операция «Кавказ», в которой намечался

захват этой территории, была приостановлена, что вызвало недовольство в среде военных. Те считали, что сделано так по чьему-то злому умыслу; и уж, во всяком случае, на руку боевикам. А те действительно, получив лакомый кусок земли, свободной от догляда федералов, чувствовали себя здесь вольготно. Они создали свои базы, лагеря обучения, систему фортификационных сооружений. Построен был, по существу, целый укрепрайон. Проложили и современную автомагистраль, разумеется, руками военнопленных и рабов. Те работали до полного изнеможения. Когда же падали от бессилия, их просто пристреливали, заменяя очередной партией «быдла», как назывался у наемников расходный человеческий материал. Много здесь по обочинам лежит русских костей. Недаром пограничники прозвали центральную Аргунскую магистраль дорогой смерти...

Агейченков был прекрасно осведомлен о том, как развивались дальше события. При проведении контртеррористической операции, по решению нового Верховного главнокомандующего, эту оплошность, мягко говоря, решено было исправить. Впервые в истории погранвойск была проведена крупномасштабная десант-штурмовая операция, называвшаяся Аргунской. Горная Чечня была освобождена от боевиков нашими частями при поддержке авиации и артиллерии. Николай Иванович знал, в какой строгой секретности готовился захват этого труднодоступного района республики. Все было сделано совершенно неожиданно для бандформирований. Частично они были уничтожены, остальные рассеяны и бежали кто в Чечню, кто в Грузию. Последняя оказалась предпочтительней. Там террористов никто не преследовал.

На участке в восемьдесят километров между Ингушетией и Дагестаном была установлена государственная граница России с Грузией. Раньше она существовала номинально, как административная. Тут-то и был поставлен усиленный огневой мощью Итум-Калинский пограничный отряд, которым Николаю Ивановичу и довелось командовать.

Боевики никак не могли смириться с тем, что пути подвоза оружия, боеприпасов, пополнения из Грузии перерезаны. На протяжении многих месяцев они пытались нащупать слабые места в охране границы, любой ценой восстановить утраченные коммуникации. Нападения следовали одно за другим – и большими силами, и мелкими группами. Вот почему Агейченков и находился в таком перевозбужденном ожидании. Сегодняшняя гибель трех пограничников лишний раз подтверждала, что война продолжается и она постепенно усиливается. Особенно теперь, когда открывались перевалы, и на склонах гор появилась «зеленка». Борьба шла не на жизнь, а на смерть, принимала все более партизанский характер, отчего делалась и коварнее, и подлее. Не знаешь, когда и где ожидать удара, в каких местах устроят засаду или заложат радиоуправляемый фугас...

Все трое убитых лежали рядышком на взгорке, по грудь прикрытые брезентом. Лица были спокойны, словно все заботы оставили людей, и это сделало их удивительно похожими. Агейченков уже не раз замечал, что смерть нивелирует бойцов, делает их как бы навеки близкими, без земных забот и с единой, неразделимой судьбой.

Подойдя к погибшим, Николай Иванович почувствовал еще большую скорбь. Ему было безумно жаль этих молодых ребят. Глаза оставались сухими, но спазмы сжали горло – не продохнуть. И в сердце кольнула острая, почти физически ощутимая боль.

«Вот он результат нашей недоработки, если не халатности, – подумал он отрешенно. – Ни за что ни про что потеряли людей... Они же не виноваты, что попали в такую трагическую передрагу».

В том, что произошло, Агейченков винил прежде всего самого себя. Командир за все в ответе. Если гибнут бойцы, значит, ты чего-то не предусмотрел, недоработал, не сделал; упустили твои подчиненные какие-то моменты безопасности. Трудно, конечно, теперь судить, но все равно не должно этого быть! Раз тебе доверена жизнь людей, не сваливай на кого-либо, изволь все предвидеть и не ссылайся на объективные причины – отвечай сам!

Гибель солдат всегда оставляла тяжелые зарубки в душе Николая Ивановича, и за годы службы их накопилось немало. Ведь был еще и Афган, где обстановка была и покруче. Хотя, если откровенно, то тут не легче, а кое в чем и поотвратительней. Враг бьет исподтишка, и как он это делает, с какой стороны куснет, на какую хитрость пойдет, – попробуй угадать?

Сзади неслышно подошел майор Гокошвили. Родился и вырос офицер в Грузии и был прекрасным альпинистом, покоровшим не одну вершину, ходить он мог практически бесшумно. Человеком Арсен Зарубович был деликатным и прекрасно понимал, как скорбит командир, мысленно прощаясь с погибшими.

Агейченков обернулся и, увидев рядом стоящего офицера, грустно усмехнулся. Гокошвили всегда верен себе: человек он чуткий.

– Здравствуй, Армен Зурабович, – протянул он ему руку. – Вот и снова у нас потери, – сказал печально, кивая на взгорок. – И сколько же это будет продолжаться?

Вопрос был, конечно, риторический. Первая комендатура, как, впрочем, и остальные две, при всем желании не могла пока обеспечить полной безопасности даже прилегающего к ней участка Аргунского ущелья. Агейченков прекрасно знал об этом.

– Наш наряд тут недавно шел, понимаешь! – словно оправдываясь, пробормотал Гокошвили. – Все чисто было! Черт его маму знает, когда эти бандюги появились?

– А они за твоими нарядами следят, ведут их, – горько усмехнулся Агейченков. – Знают же прекрасно, где и когда они пройдут.

– Но мы и не можем вести патрулирование целыми сутками! Народу и кушать надо, и отдохнуть, понимаешь!

– Вся беда в том, дорогой комендант номер один, и я не раз об этом говорил, что вы ходите по одним и тем же маршрутам и в строго определенное время.

– Горы кругом, понимаешь! – всплеснул руками Гокошвили. – Нельзя сегодня ходить так, а завтра по-другому. Да и график движения нарушать не следует. Верно? Сами его утверждаете, товарищ полковник!

– Все правильно, Арсен Зурабович, – качнул головой Агейченков. – Вот только график – не догма, а руководство к действию. Об этом не надо забывать.

Николай Иванович повторил то, что не раз уже говорил своим комендантам и начальникам застав. Больше инициативы, находчивости! Не должно быть постоянных, устойчивых схем!

На эти темы часто спорили они и с Ерковым. Начальник штаба никак не хотел с ним соглашаться. Он говорил: а ты дай инструкцию действовать по-новому, чтобы завтра-послезавтра она не устарела, – тогда посмотрим.

Однако, как сейчас лучше организовать службу в горах, Агейченков, если честно, пока представлял себе слабо. Понимал, что по старинке нельзя, а вот по-новому... Зрело это постоянно в голове, казалось даже близким, но окончательный вариант никак пока не укладывался в их возможности. Чего греха таить, слишком сильна была привычка действовать по старинке. Что-то нужно было еще додумать...

Распорядившись убрать трупы и подготовить их к транспортировке на Родину в качестве «груза-200», Агейченков попросил Гокошвили рассказать и показать на местности картину произошедшего нападения на пограничников. Комендант уже до него в этом разбирался. Николаю Ивановичу надо было проанализировать случившееся, выявить свои недоработки и промахи. Он по-прежнему считал, что трагедии можно было бы избежать. Будь, конечно, все учтено. Ему нужны были детали, чтобы не только самому все понять, а и объективно доложить командующему региональным управлением. Человек он дотошный и непременно спросит о подробностях, сегодня же, после обеда, потребует доложить, какие выводы из ЧП сделал командир отряда. И тут уж нельзя говорить приблизительно. Генерал любит точность и твердость, терпеть не может, когда кто-то мямлит или боится взять на себя ответственность.

Они вдвоем с комендантом прошли на то место, где недавно была позиция боевиков, выбранная, кстати, очень удачно. Видно, что действовали опытные вояки. Были предусмотрены очень рациональные пути отхода. Нападавшие были ко всему готовы.

Рассказывая о своем видении случившегося, Гокошвили, как всегда, торопился, торопливо выстреливая фразы. Майор был человеком очень импульсивным, не терпел ни малейшей медлительности. Он и внешне напоминал Агейченкову тонконового горного красавца скакуна. Высокий, упругий, жилистый, без лишней жиринки на гладком, словно продубленном, оливковом теле. Лицо немного аскетическое, с острым подбородком, слегка выпирающими скулами и классическим носом с горбинкой, но одухотворенное. И глаза – большие, темные, выразительные. В них все отражается: и боль, и радость, и разочарование. Все оттенки чувств можно по ним прочесть.

Слушая его объяснение, Агейченков не переставал удивляться эмоциональности коменданта. Конечно, ЧП было из ряда вон выходящее, кого угодно могло вывести из равновесия, – и взволнованность коменданта вполне объяснима. Но сдержанность, по мнению Николая Ивановича, пусть даже небольшая, еще никому не мешала. Гокошвили же не сбавил темперамента и тогда, когда они приехали в комендатуру и речь пошла о совсем обыденных делах. Он и о только что отстроенной его людьми столовой для личного состава говорил все так же горячо и рьяно. Майор так ее расхваливал, словно это был не обычный хозблок, а по крайней мере княжеский дворец.

Первая комендатура была оборудована хорошо. Ее система траншей, расположение резервных застав и блиндажей, врезанных в склоны гор, позволяли не только обстреливать значительный кусок долины, а и далеко просматривать дорогу вдоль реки. Тут зам Агейченкова по технике и вооружению полковник Даймагулов постарался. Нармухамед Ниязович, или, как его звали, Николай Николаевич (против чего он не возражал), был опытным инженером и за возведением фортификационных сооружений следил строго. Он вообще был трудолюб. Днем и ночью его можно было встретить на строящихся объектах. Причем не в качестве наблюдателя, а непосредственного участника работы. Он показывал всем и каждому, как подбирать и подгонять камни для возведения стен, раскорчевывать древесину, строгать доски... Словом, оборудование комендатуры нареканий не вызывало.

Но была и отрицательная, чисто психологическая сторона в расположении лагеря. Рядом, почти за городком, начинался могильник, принадлежащий, по преданию, тайпу Яндербоева. И добро бы это было просто кладбище с косо торчащими из могил камнями, как это принято у чеченцев. Так нет же, здесь, по склону, опоясывая небольшой хребет, стоял так называемый «город мертвых» – соседство не из приятных. По отлогому склону сверху сбегали замшевые покосившиеся каменные гробницы-кубики без окон, некоторые из них стояли тут не одну сотню лет. И венчала все это, как бы охраняя покой усопших, старинная высокая сторожевая башня, торчащая над долиной кривым серо-зеленым зловещим рогом.

Когда Агейченков смотрел на этот бесконечно стекающий с горы поток могильников, ему становилось не по себе. Он помнил рассказы местных старожилов об этом зловещем месте. Сюда попадали не только усопшие, но и живые люди, и далеко не по своей воле. Если раньше в чеченской семье кто-то заболел, скажем, чумой, тифом или проказой, их всех до одного палками выгоняли из жилищ и с воем и улюлюканьем сопровождали сюда, в «город мертвых». Без различия пола и возраста загоняли людей в одно из этих крепостных строений и замуровывали навечно...

Поспешно подошел дежурный по комендатуре. И уже по тому, как он суетливо вскинул руку к головному убору и заговорил сбивчиво, Агейченков понял: опять что-то случилось. И не ошибся. Весть не предвещала ничего хорошего.

– В отряд прилетел полковник Улагай, – торопливо доложил дежурный. – Вас немедленно требует!

Агейченков усмехнулся. Контрразведка уже на месте, быстро они сработали. Теперь поднимается такой шум... Он знал Улагая давно, еще майором. Тот всегда был вьедливым мужиком, что само по себе, возможно, и неплохо, если бы к этому не добавлялся шумный и, откровенно говоря, склочный характер. С годами, тем более, когда Роман Трифонович стал начальником особого отдела регионального управления, эти качества в нем усилились. Везде, где появлялся Улагай (а без особых причин он в погранотряды не приезжал), начинались громкие скандалы и делались определенные выводы.

Николай Иванович понял, что и его не миновала чаша сия. Но, как бы там ни было, поспешить в штаб отряда следовало – Улагай не любил ждать. Небось там уже устроил шабаш...

Гокошвили предложил наскоро перекусить. Когда еще доберутся они до штаба, часа два пройдет, а у них все уже готово – больше пятнадцати минут не задержатся.

– Спасибо, Арсен Зурабович! – поблагодарил Агейченков, прекрасно понимая, что командир прав: быть ему сегодня без обеда. Но здесь задерживаться дольше ему было не резон. Да и не до еды. Он ясно представлял себе, какой неприятный разговор ему предстоит...

Поскольку Агейченков был ко всему готов, его удивило то, что контрразведчик, хотя и кинул на него косой взгляд, но пригласил присесть и начал говорить совсем не так, как обычно. Улагай всегда распекал провинившихся стоя и обращался только по фамилии, в крайнем случае – по званию. А теперь... Агейченков не поверил своим ушам.

– Садись, Николай Иванович, разговор у нас будет долгим.

Это было что-то новое и непонятное...

Улагай закурил свою знаменитую, закрученную вопросительным знаком трубку и, окутавшись дымом, покачал головой.

– Не дают нам спокойно спать масхадовцы, кость им в горло... И когда это только кончится?

– Полагаю, не скоро, – осторожно заметил Агейченков, заполняя затянувшуюся паузу.

– Вот и я так думаю, – задумчиво протянул контрразведчик, попыхивая трубкой.

Небольшая палатка была уже полна табачного дыма, который Агейченков не переносил. Он не курил с лейтенантских еще времен. Однажды неосторожно сказал своему первому начальнику капитану Васильеву, что человек, дескать, должен уметь избавляться от вредных привычек. Капитан посмотрел на него насмешливо и язвительно заметил, выразительно глядя на дымящуюся в руках лейтенанта сигарету: вот, мол, и подайте пример! Скептицизм Васильева, а тот был для него авторитетным человеком: первый начальник заставы как первая любовь, – задел Агейченкова, и он запальчиво сказал: «Вот возьму и брошу!» Капитан засмеялся: «Свежо предание, да верится с трудом. Марк Твен сто с лишним раз давал подобные обещания: бросал и начинал снова!» Агейченков вспыхнул: «А у меня этого не будет!» И, выложив на стол пачку сигарет, сказал старшине заставы, сидевшему тут же, чтобы забрали ее и ни в коем случае не отдавали.

Честно говоря, он потом не раз пожалел о своем скоропалительном решении. Курить хотелось страшно. Неделью маялся так, будто его мучила зубная боль. У каждого идущего навстречу он готов был вырвать сигарету и закурить. Но все-таки выдержал! С тех пор к табачному зелью больше не притрагивался, чем сильно радовал жену. Тамара почти не переносила табачного дыма. Они из-за этого даже в рестораны, где было накурено, не ходили.

Палатка была сравнительно небольшой, и при том, что Улагай курил много, быстро наполнилась табачным дымом. У Агейченкова запершило в горле, и он с трудом сдержал кашель, рвущийся из груди. Улагай был наблюдательным и, конечно, это заметил. Он молча встал, подошел к входной двери и распахнул ее настежь. Дышать сразу стало легче.

– Ну, рассказывай, командир, как все проходило. Ты же был на месте. Да подробнее, пожалуйста. Мне же по приезду в Ставрополь главкому докладывать. А ему все подробности подай.

Слушал не перебивая. Только два вопроса и задал! «Почему с машиной не было усиленной охраны?» и «Нельзя ли подобные поездки с продовольствием осуществлять небольшими колоннами или хотя бы попарно?»

Он ухватил самую суть. Агейченков думал над всем этим давно, но выхода не находил. Сделать, конечно, можно все. Однако сколько же нужно тогда дополнительной техники и людей! Где их взять? К тому же в том месте, где все произошло, дорога и окружающие горы были десятки раз проверены; по ним систематически ходят усиленные наряды. И чеченцы об этом прекрасно знают. Уж что-что, а информация от местных жителей у них наверняка поступает.

– Может, слишком хорошо знают? – неожиданно спросил Улагай, выслушав ответы командира отряда.

Агейченков его не совсем понял.

– Что вы имеете в виду, товарищ полковник?

– Да то, что все маршруты и графики движения ваших нарядов противник давно изучил. Не пора ли их уже менять?

– И я за это ратую! – воскликнул Агейченков.

– Почему же не предпринимаете мер?

– Руки коротки, товарищ полковник. Ваши же, штабные, всегда точных расчетов требуют, чтобы все подробно было расписано: где, какая группа и в какое время находится, куда направляется. А мой Ерков не может не подчиняться указаниям сверху. Да и вообще он против всякой анархии, дезорганизации... Меня же просто слушать не хотят. А я как-никак лицо подчиненное.

Улагай задумался. На его высокий, с фигурными залысинами лоб набежали резкие складочки морщин.

– В этом отношении ты прав, Агейченков. Формалистов у нас хватает. Каждому подай отчет в ажуре... Думаю, надо ломать эту практику, хотя, как ты знаешь, военное дело действительно любит точно выверенных действий. Не знаю только, как их сочетать с разными новшествами, которые диктует жизнь.

Они проговорили еще минут сорок. Небо уже заметно потемнело. Сумерки стали заползать в палатку. Агейченков предложил пойти поужинать.

– Це дило нужное, как говорят у нас на на ридной Украине, – усмехнулся Улагай.

– А вы что, оттуда?

– Да, с харьковщины. Там много наших живет. Но служу я вот уже пятнадцать лет в русской армии. Так что к желто-блакитным, щирым, никак себя причислить не могу...

Однако, прежде чем выйти из палатки, Улагай взял Агейченкова под руку и, понизив голос, спросил:

– А скажи-ка ты мне, дорогой Николай Иванович, почему в вашем районе... да-да, именно в вашем, появилось так много фальшивой иностранной валюты?

– Первый раз слышу.

– Разве тебе местные товарищи из ФСБ ничего не говорили?

– Никак нет, товарищ полковник.

Улагай неодобрительно хмыкнул:

– Скрытничают, значит, а дело от этого страдает. Тоже мне, горе-пинкертоны... Так вот знай: обнаружено несколько тайников с долларами. Ингушский и Дагестанской участки границы мы проверили. Там вроде чисто, никаких подозрений. Тем более что такие большие партии купюр просто так не проташить.

– У нас тоже прорывов не было. Не могли же они летать через главный Кавказский хребет.

– Согласен. Если бы по воздуху, их давно бы засекли. Тут есть какой-то наземный канал перевозки. Надо искать! – Улагай помолчал и еще тише добавил: – Только об этом пока никому ни слова. Тут следует работать ювелирно. Слишком большая цена поставлена на карту. Но ты все время держи в уме сей факт, командир... Ну, пошли! Угощай своими разносолами.

Они вышли из землянки. Солнце уже закатилось за горы, и их накрыла серая теплота. Только на западе догорала еще тонкая багровая полоска исчезающего заката. Но только они пересекли плац и дошли до столовой, и она погасла. Плотная ночь опустилась на Кавказ, и не было в ней ни единого просвета.

Глава 2

Совещание офицерского состава проходило, как всегда, в «светелке». Так называли все самую большую палатку, стоявшую рядом с командирской. Здесь обычно проводились занятия с сержантами и специалистами, собирали активы и совещания. «Светелка» вмещала человек семьдесят, а ежели потесниться, то и поболее.

Даймагулов сидел на своем излюбленном месте у окошка, выходившем на плац, где обычно проводились утренние разводы и строевые занятия.

В остальное время здесь туда и сюда сновали пограничники. По их снаряжению нетрудно было догадаться, куда они направляются. Если группа шла с оружием, обвешанная автоматными рожками, – значит, на стрельбище, а с кирками и лопатами – непременно на строительство блиндажей или траншей. Связистов можно было узнать по катушкам и аппаратам, болтающимся на плечах; водителей танков и БТР – по шлемам на голове, а простых трудяг-шоферов – по чумазым лицам.

Даймагулов только тем и занимался, что старался определить, какая из групп бойцов куда направляется. Он же знал весь ход работ в отряде: где что строится, закладывается, планируется. Все проходило с его непосредственным участием.

Занятый своими наблюдениями за «броуновским движением» на плацу, Даймагулов слушал командира отряда. Все, о чем тот говорил, а речь шла о вчерашнем ЧП, он уже прекрасно знал. Еще вчера вечером все замы Агейченкова, собравшись, обсуждали эти вопросы. Так что сделанные накануне выводы из случившегося и те меры, которые необходимо было принять, были хорошо известны Даймагулову. Он понимал, что война есть война, как бы она ни называлась, и потери на ней неизбежны. Сейчас боевики перешли к партизанским действиям: минированию полей, подрыву фугасов, засадам на дорогах. Это создавало дополнительные трудности для федеральных войск. Наладить же мирную жизнь под свист пуль и разрывы мин практически невозможно. Даймагулов, как старый вояка, служивший без малого тридцать лет, сознавал, что эта война будет продолжительной, как когда-то на Западной Украине и в Прибалтике. «Лесные братья» и бандеровцы там не складывали оружия с сорок пятого до середины шестидесятых. В условиях, когда среди военных царят ожесточение и недовольство, а среду политиков разъедает коррупция (Даймагулову было хорошо известно об этом), дождаться мира будет почти невозможно. В сложившихся обстоятельствах необходимо было свести к минимуму потери и надежнее прикрыть границу, чтобы как можно меньше тайных троп оставалось у боевиков для проникновения в наши тылы...

Закончив подведение итогов, Агейченков отпустил офицеров и только Даймагулова с Вощаниным попросил задержаться. Разговор есть, предупредил он, искоса мазнув своих замов синевой прищуренных глаз, что означало: речь пойдет о чисто конфиденциальном. Так оно и вышло.

Николай Иванович знаком попросил их присесть поближе, сам опустился верхом на стул – это была одна из его излюбленных поз. И, дождавшись, пока все офицеры вышли из палатки, приглушенно сказал:

– Вот что, други мои. Вы тут старожилы, с азов создания чечено-ингушской границы, можно сказать, здесь колотитесь. Да и опыта вам не занимать. Помогите разгадать одну шараду. Никак не могу взять в толк, как она возникла. Может, вы более догадливы?

Предисловие не обещало ничего хорошего. Даймагулов знал, что командир – мужик самостоятельный и в подсказке нуждается крайне редко. Он самолюбив и обычно принимает решение без чьей-либо помощи, лишь иногда обговаривая со своими штабниками предварительные условия. Просьба его была необычной.

Агейченков сделал довольно длительную паузу, и нетерпеливый Воцагин, поерзав, не выдержал и спросил:

– В чем, собственно, дело, Николай Иванович? Не темни.

Голос у него был густой, хрипловатый. Видно, простыл немного, лазая по заснеженным высокогорным заставам. Его редко можно было застать в отряде. Он и сегодня только утром вернулся из первой комендатуры, имевшей непосредственную связь с грузинскими пограничниками. Начальник разведки частенько с ними контактил. Простуда была легкой – Борис Сергеевич, хотя с виду и был хлипковат, неширок в плечах и не имел ни бугристых накаченных мускулов, ни борцовской шеи, отличался отменным здоровьем. Даймагулов знал, что Воцагин – самбист высокого класса, не раз побеждавший на региональных соревнованиях и занимавший призовые места в своей наилегчайшей категории. На его невозмутимом, остроносом лице ничего нельзя было прочесть: словно маску надели, и выражение поэтому не меняется, даже если выстрелить над ухом. Глаза, зеленые, как у кошки, тоже были непроницаемыми, прятались за нависшими над ними тяжелыми надбровными дугами, и трудно было разгадать, спокойные они или взволнованные.

– Покрепче держись за стул, Борис Сергеевич, – бросил Агейченков разведчику.

Но Воцагина трудно было чем-либо ошарашить.

– А что, такая уж замысловатая шарада? – насмешливо спросил он.

– Представь себе, да... Как ты, начальник разведки, объяснишь мне появление в тылу нашего отряда огромного количества долларов, в большинстве своем фальшивых? В Чечне их никак не могли сработать. Слишком высоко качество. Явно заграничное производство.

– Из каких источников сведения получены?

– Сорока на хвосте принесла.

– Понятно, откуда прилетела белобока. Вчера у нас был, насколько мне известно, Роман Трофимович Улагай.

– А разве для тебя, Борис Сергеевич, что-нибудь бывает секретом? – подал ехидную реплику Даймагулов.

– На том стоим, – не без самодовольства отозвался разведчик.

– В каждую дырку нос суем, хочешь сказать, – снова не удержался инженер.

– Хватит вам... – с улыбкой прервал командир их шутливую перебранку. – Обнюхайтесь, свои же.

Все рассмеялись.

– Значит, данные точные, – задумчиво протянул Воцагин. – Полковник Улагай никогда не оперирует непроверенными фактами.

– Вот и я так полагаю, – назидательно сказал Агейченков. – Прошла валюта... и взрывчатка, кстати, тоже. И все – через расположение нашего отряда – из Грузии. Сделаны-то они наверняка подальше.

– По воздуху перелетели, – криво усмехнулся Даймагулов, – как черные орлы. Может, боевых птиц приручили?

– А ты зубы-то не скаль, Николай Николаевич! – оборвал его Агейченков, – Отлично знаешь, что доставлена «зелень» по твердой земле. И это уже твоя епархия, дорогой инженер.

– Но тут же сотни ущелий, ущельиц и троп, – сердито возразил Даймагулов.

– И все же мы должны нащупать их маршрут! – нахмурился Агейченков. – Он должен быть не так мелок, как можно предполагать. Ведь речь идет о миллионах банкнот и сотнях килограммов взрывчатки. Канал доставки должен быть для боевиков надежный.

– В этих чертовых горах действительно столько тайных троп... – сморщившись, пробормотал Воцагин.

– А вот инженер, помнится, говорил, что все основные пути перекрыты, – заметил командир. – Не так ли, Николай Николаевич?

Спорить было бесполезно. Факты – вещь упрямая и практически бесспорная, особенно, если они получены от таких людей, как Улагай. Даймагулов не ответил и задумался. Неужели эти проклятые чеченцы нашли-таки надежный канал транспортировки злополучной контрабанды? Но где он? Как его отыскать?

Ответов на эти вопросы не было.

Все замолчали, хорошо понимая, что дальнейший спор и обсуждение, если не высказано ни одной дельной мысли, бесполезны.

– Вот что, други мои, – прервал наконец командир затянувшуюся паузу. – Вижу, что пока вы к конструктивному разговору на эту тему не готовы. Да я, собственно, и не ждал от вас скоропалительных решений. Сам теряюсь в догадках вот уж второй день. Ни черта подходящего на ум не приходит. Давайте искать вместе! Каждый по своим каналам. Думайте, други мои, где и как? – Он помолчал. – Ну а теперь по коням! Работы у нас еще невпроворот.

Агейченков встал, нахлобучил фуражку и первым вышел из палатки. Разведчик и инженер сидели на своих местах в тяжелом раздумье. Непосильную задачку поставил перед ними командир. И решать ее надо во что бы то ни стало! Но как? Этого ни тот ни другой не знали.

– Ладно, – вздохнул наконец Воцагин и легко хлопнул сидевшего рядом инженера по плечу. – Пошли, Николай Николаевич. Дел действительно полно. Каждое не отложишь в долгий ящик, оно требует немедленного решения. А думать надо, очень надо!

– Ты вот что, – сказал Даймагулов, вставая, – поспрошай-ка у своих людишек из местных. Ну, из тех, что помельче. Прямо, может, и не скажут, а вот намек дать могут.

– Будет сделано, товарищ полковник! – не без иронии отозвался Воцагин. – Сам бы я до этого ни за что не додумался... – И после паузы добавил: – Слышал, дружбу с главой района водишь, Николай Николаевич? Земля-то слухами полнится, у него тоже могут быть кое-какие связи. Попытайся нащупать нить. А?

– Есть, товарищ полковник!

Засмеявшись, они поспешили покинуть палатку.

Даймагулов отправился в саперную роту, намереваясь сегодня снова отправиться к Воронежскому мосту через Аргунь. У него давно зрела мысль восстановить его. Сооружение было добротным, стояло на прочнейших железобетонных опорах. Настил из того же материала. Строили его, как гласила молва, на деньги олигарха Березовского, а опоры и другие фундаментальные детали делали в Воронеже. Отсюда и пошло название моста. Хозяничавшие здесь прежде боевики не успели его достроить: не сделали подъездов, не укрепили настил. Во время авиационной подготовки Аргунской операции в мост, правда, угодила бомба, но разрушений особых не принесла. Был частично поврежден лишь один пролет. Восстановить его было несложно. Но если это сделать, по мосту смогут проходить и большегрузные машины, и танки. А главное, что его никакой паводок, сколь силен бы он ни был, уже не снесет. Это будет надежным началом маршрута из отряда в равнинную Чечню. Такую трассу им все равно придется непременно прокладывать, и основательно – вертолетами всего не доставишь. Да и технику надо пополнять, особенно тяжелую, а ее по воздуху перебросить сложно. Сколько сил и времени потратили на «временку» в самом начале создания отряда. И все-таки на Тухсорой с трудом смогли пройти техника и тяжелая артиллерия.

Командир, правда, поморщился, когда Даймагулов предложил ему заняться восстановлением Воронежского моста. Погоди, мол, тут людям жить негде, а ты на капитальные инженерные работы замахиваешься. Оборудуй пока жилье на заставах, а уж потом о перспективах думать будем.

Но Даймагулов был с ним не согласен. Нельзя думать только о сегодняшнем дне, без загляда вперед. Ведь пришли они сюда навсегда, значит, обустриваться должны сразу капитально и во всех направлениях. Строительство жилья – задача, конечно, первоочередная, но

и о надежных путях подвоза тоже нельзя забывать, откладывать в долгий ящик. Инженерное оборудование района должно идти полным ходом, комплексно, а не однобоко.

Возле автопарка Даймагулова перехватил подполковник Рундуков. Комиссар, как все по старинке звали зама по воспитательной работе, нравился инженеру своей строгостью и прямо-той. Он редко убеждал или уговаривал кого-либо. Это было не в его характере. Чаще всего приказывал и не терпел возражений. Говорил Рундуков, как правило, безапелляционным тоном. Голос у него был зычный: на одном конце плаца гаркнет, на другом отчетливо слышно. Словом, для своей воспитательно-просветительской должности Яков Леонидович, по мнению Даймагулова, никак не подходил. «Тебе бы командиром быть, – не раз говорил он ему, – по всем статьям подходишь». Рундуков и внешне более подходил для этой доли. Был он высоченный, под два метра, плечистый, лицо крупное, угловатое; твердо очерченные скулы, губы, подбородок; никакой мягкости во взоре холодных серо-стальных глаз с прищуром.

На утренних разводах в отряде Рундуков часто командовал построением подразделений и делал это с удовольствием. Ему даже Агейченков раз сказал: «Тебе бы, Яков Леонидович, полк под началом иметь или в крайнем случае батальон, а не газетки солдатам почитать да государственно-общественной подготовкой заниматься». На это Рундуков с извиняющейся улыбкой ответил: «Может, ты и прав, Николай Иванович, но такова уж, видно, судьбишка мне выпала. Я человек подчиненный».

– Ты куда собрался, Николай Николаевич? – спросил Рундуков. – Случайно, не на правый фланг?

– Небось надо что-нибудь в третью комендатуру доставить?

– Второй день не могу туда отправить газеты и письма.

– Но ты же в курсе, я туда не ездил, – усмехнулся Даймагулов. – Как вспомню, так вздрогну.

– Да помню, что тебя как раз там щелкнуло, – заметил Рундуков и скептически хмыкнул. – Ты же, кажется, тогда в Назранский отряд направлялся?

– Точно. На заставу «Гули».

– А ты знаешь, что означает это слово по-русски?

– Слыхал, – засмеялся Даймагулов. – Ворота в ад.

– Так... вот и не следует в такие ворота ездить, – шутливо протянул Рундуков.

– Кабы знал, где упасть, соломки бы подстелил. Верно народная пословица говорит.

– Это уж точно. В такой серьезной операции, как Аргунская, когда идет жестокий бой и ты принимаешь в нем участие, хоть бы зацепило, а тут – на мирной дороге и, считай, уже не в Чечне... Представь себе, что мне в этом всегда везло: и в Афгане, и в первую чеченскую. Ни разу не был ранен, а тут... Проклятый фугас! И надо ж было нам на него наскочить! Ведь я чуть богу душу не отдал. Два осколка в живот, два в грудь, тяжелая контузия. Если бы не Тамара Федоровна... Она меня по кусочкам собрала и заштопала. Хирург от Бога. В ножки ей надо поклониться. А я даже по-настоящему спасибо не сказал.

– Сейчас тебе как раз представится такая возможность, – снова рассмеялся Рундуков. Веселым он бывал редко, но, когда на его аскетическом лице появлялось что-то вроде улыбки, оно как бы разглаживалось, исчезала угловатость и проглядывало совсем иное, мягкое выражение. По натуре замповос был хоть и пунктуальным, даже колючим человеком, но в душе его, как понимал Даймагулов, жило что-то доброе, отзывчивое. И он сам это знал, считал, видно, своей слабостью и поэтому тщательно скрывал.

– О чем ты? – не понял Даймагулов.

– Сегодня ротацию медиков в отряде произвели. Прежняя команда пробыла здесь сорок пять суток. На смену из госпиталя прислали других врачей. Среди них я видел майора Квантарашвили.

– Кто же это додумался женщин на самый опасный участок посылать? – нахмурился Даймагулов, хотя все внутри у него запело. Он снова увидел это дивное лицо с ямочками на щеках, спокойный с лукавинкой взгляд прекрасных глаз цвета спелой вишни.

– Сама, говорят, настоящая. Я, заявила, такой же рядовой врач, как и все. Почему же мне нужно делать поблажку?

Рундуков продолжал еще что-то говорить, но Даймагулов уже не слушал его. Перед его мысленным взором встала прекрасная, как богиня ночи, грузинская княжна Тамара. Так он про себя давно ее называл, не смея, конечно, ни единым звуком выразить подобную крамолу вслух. Да, она спасла ему жизнь. Вернула, можно сказать, с того света. И его благодарность была безмерна. Но первое, что он увидел, когда сознание наконец вернулось к нему, было лицо склонившейся над ним женщины. До чего же она была хороша! Даже при самом горячем воображении Даймагулов не мог представить себе столь красивую и изящную представительницу слабого пола. У него бывали подружки, даже одна из них случайно на несколько лет стала его женой. И она не была дурнушкой, все, как говорится, при ней: и стать, и страсть, и никаких изъянов. Рита его бросила потому, что не выносила разлук. А Даймагулова куда только судьба ни кидала. Он месяцами не бывал дома. Такое, наверное, не каждая благоверная выдержит. Но разве Риту хоть на минуту можно было сравнить с княжной Тамарой? Увидев ее, он не просто обомлел, он был сражен наповал. Высокая, тонкая, стройная, она напоминала ему молодую елочку, когда-то в детстве посаженную им перед окном их сибирского дома. От лица глаз не оторвешь. Черты его мягкие, утонченные. Черные, бархатистые, слепящие, как два огромных агата, глаза тонули в длинных пушистых ресницах, обрамленные блестящими стрелчатыми бровями. Волосы, шелковистые, переливающиеся, как антрацит, плавными волнами падали на плечи. Она, как потом Даймагулов выяснил, была действительно княжной из знатного грузинского рода. А вот отец ее был чистым русаком, офицером. От него и шло ее отчество. Фамилию же она после развода (Даймагулов и это выяснил) взяла материнскую. Вот только, за кем она была замужем, он не знал...

Сказать, что Даймагулов потерял покой после того, как увидел княжну Тамару, означало почти ничего не выразить. Он постоянно думал о ней. И ему все время хотелось увидеть ее хоть одним глазком. Когда Квантарашвили приходила к ним в палату с обходом, это было для него настоящим праздником.

Поняла ли она, какие чувства внушила молодому полковнику? Наверняка не знала, но кое о чем, вероятно, догадывалась. Нельзя было не заметить восхищенного обожающего взгляда, следящего за каждым ее движением.

Уже встав на ноги и получив возможность совершать прогулки по территории госпиталя, Даймагулов стал осторожно расспрашивать у девчат-медиков о докторе Квантарашвили. Совершенно случайно узнал, что она в разводе вот уже шестой год, живет с сыном.

Последний раз видел Даймагулов Тамару Федоровну при выписке из госпиталя. Он пришел тогда в ординаторскую, где, к счастью, не было никого из посторонних: она сидела одна за своим столиком. В руках у него был огромный букет красных роз. Приготовившись сказать многое: что боготворит ее, что не знает женщины лучше, красивее. Это подразумевало бы, что он готов посвятить ей всю оставшуюся жизнь. Но... Даймагулов и сам не знает, что с ним тогда произошло. Язык словно прилип к небу, и вместо прекрасной волнующей речи прозвучало какое-то жалкое мычание. Он потом ругал себя последними словами. Обишуриться в такой момент!..

Однако его застенчивость и даже косноязычие как раз пошли Даймагулову на пользу. Он сумел дать ей понять, насколько глубоки его чувства. Она сочувственно улыбнулась.

– Не надо лишних слов, Николай Николаевич, – сказала она своим певучим контральто. – Я давно уловила то, что вы хотите мне сказать. Но, ради бога, нет.

– Почему? – воскликнул он с отчаянием.

– На то, поверьте мне, есть веские причины.

– Но вы же свободный человек. И вольны...

Она протестующе подняла руки.

– Да, формально, я, конечно, как та кошка, что гуляет сама по себе. Однако это совсем-совсем не так...

– Позвольте хоть надеяться!

– Право же, не стоит, – печально улыбнулась она. – Проще будет и для меня и особенно для вас!

На том и закончился тот их давний разговор. Тамару Федоровну куда-то позвали, кажется, к больному, которому стало плохо, и она торопливо попрощалась.

Делал ли он попытки еще раз встретиться с княжной Тамарой? Безусловно, и не раз. Но все они закончились безрезультатно. То ее не оказывалось в госпитале, то она была на операции, то ему никак не удавалось попасть в Ставрополь, где жила и работала его богиня. Ежели он и видел ее, то всего на две-три минуты, состоящие из расспросов: как здоровье, самочувствие, не беспокоят ли заштопанные раны?..

И вот Тамара Федоровна здесь, в отряде. Новость была поистине ошеломляющей. Мелькнула даже шальная мысль: а что, если она ради него сюда приехала?.. Но Даймагулов был реалистом и сразу же отверг подобное предположение, прекрасно понимая, насколько призрачны, несбыточны его дурацкие надежды. Просто так уж получилось, случай выпал. И тем не менее все его помыслы устремились к санчасти. Он должен увидеть ее, услышать голос, почувствовать теплое, нежное рукопожатие любимой!

Даймагулов торопливо распрощался с Рундуковым. Тот даже посмотрел на него недоуменно. Собрались вроде кое о чем поговорить, и вдруг на тебе: пока, я спешу! С инженером прежде такого не бывало. Но спорить он не стал. Рундуков считал: раз человек торопится, значит, его задерживать не следует. Он любил повторять поговорку: вольному – воля, спасенному – рай.

Даймагулов быстро отыскал палатку медиков. Спросив разрешения, вошел – и сразу же увидел ее возле печки. Она стала еще строже и прекрасней. Так, по крайней мере, ему показалось. Те же лучистые глаза, нежный овал лица, изящные губы, подбородок с ямочкой. Вот только морщинок под глазами прибавилось. И тут, конечно, не столько годы виноваты, сколько война. Много часов, за то время, что они не виделись, она простояла за операционным столом, спасая людей от смерти. И какая ответственность лежала на ее плечах! Поневоле состаришься.

– Рада видеть вас, Николай Николаевич, в добром здравии, – улыбнулась она и протянула руку. – Как ваши раны? Не беспокоят?

Он торопливо и очень осторожно, точно боясь раздавить, пожал сухую, теплую ладошку.

– Никак нет, дорогой доктор! Здравия желаю! – гаркнул Даймагулов уставное приветствие и тут же смутился. Что это он, как солдафон, талдычит. И поспешил добавить: – Вы так хорошо меня подштопали, Тамара Федоровна.

– Ну, не стоит преувеличивать мои способности, – усмехнулась она. – Это была трудная, конечно, но все же обычная операция. С ней любой хирург справился бы.

В палатку неожиданно заглянул солдат-посыльный с красной повязкой на рукаве.

– А я вас ищу, товарищ майор, – обрадованно воскликнул он, обращаясь к доктору.

– А что случилось? – обеспокоенно спросила она.

– На mine, говорят, кто-то подорвался. Вы нужны. Командир ждет вас у своей машины тут неподалеку.

Даймагулов выскочил из палатки вслед за Тамарой Федоровной. Раз речь шла о mine, то это и его касалось в первую очередь.

Еще издали они увидели фырчащий командирский газик и нетерпеливо ходящего вокруг него Агейченкова. Чуть поодаль стоял бронетранспортер с вооруженной охраной, без которой

командир из лагеря не выезжал (таков был приказ свыше). Агейченков вскинул взгляд на подбегающего врача и удивленно воскликнул:

– Ты?.. Каким образом?.. – но тут же осекся. – Прости, совсем забыл. Мне же сегодня докладывали.

Увидев спешащего к машине Даймагулова, удивленно спросил:

– А как же ты тут очутился? Я же тебя вроде не вызывал... Впрочем, ты мне там как раз и понадобишься. Это по твоей части. – Агейченков распахнул заднюю дверцу. – Прошу сюда! И аллюр три креста!

Глава 3

Машина мчалась вниз по серпантину с бешеной скоростью. Так и казалось, что она вот-вот не впишется в один из крутых поворотов и с полуторатысячной высоты рухнет вниз, в Аргунское ущелье, – костей не соберешь. Но Агейченков не придерживал солдата, зная, что тот опытный водитель. Он ездил с ним почти два года и не раз попадал в отчаянные передраги, где только выдержка и мастерство шофера спасали их от бед. Да и машина была новенькая, всего три недели, как получили со склада; тормоза ее держали намертво.

Мысли Николая Ивановича были заняты двумя вопросами. И какой из них сейчас важнее для него, он и сам не знал; точнее, представлял слабо. Конечно, подрыв на mine пограничника – еще одно неприятное ЧП для отряда. Но все же это будни. Что бы там ни говорили, а идет война, суровая, беспощадная, и привыкнуть к ней нельзя.

«Зря некоторые бахвалятся, – рассуждал он – что ко всему, мол, притерпеться, привыкнуть можно, что им все нипочем и сам черт не брат».

Агейченков считал, что для настоящего человека, а не подонка, разрушения, кровь, потери – неизбежные спутники войны – никогда не станут обычным явлением. Для командира же, отвечающего за своих подчиненных не только перед начальством, родителями, а и перед Богом, – большой удар, тяжкая утрата, зарубка в сердце навсегда.

Однако и другой вопрос беспокоил его не меньше. Для чего приехала сюда Тамара? Ведь наверняка могла бы отказаться ехать в их отряд. Стоило только намекнуть начальству, что она бывшая жена командира, – тут же дали бы отбой. Но не сказала же! Почему?.. Только ли из упрямства? Есть такой у нее гонорок. Я, мол, как и другие медики, готова ехать хоть к черту на рога, несмотря ни на какие обстоятельства!.. И все-таки есть одна закавыка. Ежели бы она не хотела видеть его поганую рожу, сумела бы найти благовидный предлог для отказа. Мало ли других горячих точек сейчас на земле!

– А броник отстал, товарищ полковник, – вмешался в его мысли голос солдата-телохранителя, располагавшегося с автоматом в руках на заднем сиденье рядом с инженером и врачом.

– Надо бы охрану все-таки подождать, Николай Иванович, – осторожно сказал и Даймагулов. – А то вас же потом и обвинят, дескать, не думаете о безопасности, даже когда с вами женщина-врач.

Агейченков недовольно оглянулся. Уж не празднует ли труса его зам по вооружению? Но увидев напряженное лицо своей бывшей жены (а уж он-то знал, каким оно иногда бывает), понял, каково сейчас Тамаре на этих безумных виражах. У нее даже костяшки пальцев, которыми она вцепилась в рукоятку, торчащую позади его сиденья, побелели от напряжения. Значит, инженер был прав, и Николай Иванович приказал водителю умерить пыл.

Даймагулов одобрительно хмыкнул. Дошли его слова до Бога. Хотя, ему было, если честно сказать, очень хорошо от того, что на крутых поворотах машину мотало из стороны в сторону так, что они с Тамарой Федоровной поминутно соприкасались бедрами. Это было приятно и вызывало дрожь во всем теле. Дорого бы он дал, чтобы поездка продолжалась бесконечно. Но Даймагулов прекрасно понимал состояние человека, не привыкшего к езде с бешеной скоростью по сумасшедшим виражам. Поэтому он и подал свою реплику, заранее зная, что командиру она не понравится. Тот любил быструю езду. К тому же спешили они не на гулянку, и Агейченков мог резонно возразить: не суйся, мол, тише едешь – дальше будешь. Это была его любимая поговорка, к которой он непременно добавлял: «От того места, куда стремишься».

Беспокоило Даймагулова и другое. Он был крайне удивлен, что командир с его богиней на «ты». Значит, они близко знакомы и, конечно, не родственники. А это уже не только настояжвало, но и наводило на дурные мысли. Какие могут быть отношения между мужчиной и женщиной, если они по-свойски общаются. Может, любовниками были?.. Так ему бы, навер-

ное, кто-нибудь уже шепнул на ухо... Хотя он и не допытывался. Поэтому и не предполагал, что Тамара Федоровна была в свое время женой Агейченкова. Иначе он бы все это по-другому воспринял, и бросившееся в глаза их близкое знакомство не вызвало бы отрицательных эмоций. Поскольку Даймагулов был в неведении, то и отношение его к происходящему на его глазах общению командира с врачом вызывало даже недоумение и яростную ревность.

На заставу к капитану Найденышу, где произошло ЧП, они добрались после обеда. Причем последние триста метров пришлось идти пешком, да еще по крутизне. Ночью прошел дождь со снегом, дорогу расквасило, и машина никак не могла подняться по скользкому склону. Хотя водитель и пытался пробиться поближе к заставе, ничего не получилось. Колеса буксовали, прокручивались, вздымая фонтаны воды и грязи.

– Отставить бесплодные попытки! – приказал шоферу Агейченков и обернулся к своим спутникам: – Ну что, други мои, дальше придется топтать ножками. Извините за такой дисконформ.

– Мы люди привычные, – усмехнулась Тамара Федоровна, весело, с прищуром глядя на командира отряда. Тот даже, как показалось Даймагулову, смутился под ее насмешливым взглядом.

«Нет, они определенно хорошо знакомы», – подумал ревниво инженер, первым высказывая из машины.

– Прошу вас, дорогой доктор! – галантно протянул он руку, чтобы помочь выйти из узика своей спутнице. Вокруг машины стояла липкая жижа, неприятно хлюпавшая под ногами.

Они шли медленно, тяжело. Тамара Федоровна с трудом вытягивала ноги из вязкой грязи, несмотря на то, что на ней были легкие хромовые сапожки. От предложения взяться за руку она отказалась, чем Даймагулов был очень раздосадован. Если бы можно было, он ее на руки подхватил и понес. И тяжести наверняка б не почувствовал, а уж блаженство такое ощутить... Только она вряд ли бы согласилась, тем более под пристальным взглядом солдат охраны.

Капитан Найденыш встретил их возле ворот заставы, у вышки, торчавшей на склоне горы. Пограничникам оттуда хорошо видно даже грузинскую заставу на той стороне. Это было единственное сооружение такого рода в отряде. Со временем, мечтал Агейченков, они сумеют установить вышки на всех заставах. И почти все тропы и ущелья будут перекрыты наблюдением в приборы. Вот тогда граница примет надлежащий вид. Но до этого было, как понимал Николай Николаевич, ой, как далеко!

Выслушав доклад офицера, Агейченков приказал немедленно провести доктора к раненому солдату – начальник заставы уступил тому свое место в крохотной землянке, где ютился вдвоем с женой. Кстати, тоже носившей погоны пограничника. Она была радисткой.

Майор Гокошвили был уже здесь: заставка входила в подчинение его комендатуры.

– Ничего бы не случилось, понимаешь, – как всегда запальчиво сказал Гокошвили, хмурия свои широкие, черные, будто вымазанные сажей, брови. – Ходи там, где надо ходить! Зачем не там ходил!

– Хорошо, хоть жив остался, – осторожно вставил реплику Найденыш в горячий монолог коменданта. Был он высокий, сухопарый и плоский, как доска. Когда нагибался, казалось, что складывается пополам. Ноги у него были длиннющие.

– Да, это главное, – поддержал его Агейченков. – Куда его зацепило?

– Лицо пострадало и грудь, товарищ полковник.

– А плечо? – воскликнул Гокошвили. – Оно же совсем раздроблено. И крови много потерял, понимаешь!

Тамара Федоровна, между тем, в сопровождении жены начальника заставы скрылась в палатке. Теперь от ее слова все зависело.

Агейченков так и сказал:

– Дождемся выводов медицины. Не будем строить никаких прогнозов. А ты, прапорщик, – повернулся он к старшине заставы, стоящему тут же, – покажи-ка инженеру место, где все это произошло. Разберись там, что к чему, Николай Николаевич, – кивнул он Даймагулову.

– Сей момент, – козырнул тот. – Посмотрим, что за пакость установили эти сволочи. Веди, прапорщик.

Они ушли, а трое офицеров присели в курилке, оборудованной сбоку от недостроенного еще помещения заставы. Строилось оно трудно, с перебоями – материалов не хватало. Тем более, что многие камни, валявшиеся вокруг, Найденыш по-хозяйски пустил на баню, выстроенную почему-то в первоочередном порядке.

Дело в том, что поначалу, когда отряд только начал обстраиваться, у Агейченкова не хватало ни сил, ни времени уследить за всеми сооружаемыми объектами, разбросанными на высокогорном участке более чем на восемьдесят километров. На заставе Найденыша, расположенной на самом левом фланге, он бывал крайне редко. Добраться туда было нелегко: тогда дороги, проложенной к вышке, еще не существовало. Руководством строительства здесь занимался сам капитан Найденыш. И прежде всего он задумал соорудить баню. А люди еще жили в палатках.

Когда Агейченков позже спросил, почему именно такое решение принял начальник заставы, тот сказал:

– Эх, товарищ полковник, не понимаете, как нужна солдату баня. Не только для тела – это само собой: грязь, пот, холод в горах, – а и для души. Когда попаришься как следует, и хвори от тебя отскакивают, и на сердце светло.

И он рассказал, что в детдоме у них ванной не было, где-то раз в месяц их, завшивевших, водили в городскую парилку. И это был праздник.

– Вы и представить себе не можете, товарищ полковник, – воскликнул капитан, – как ждали мы этого дня. Ведь чесались же все, коросты обдирали.

Найденыш сизмальства воспитывался в детдоме. Родители его погибли в автокатастрофе, когда он был еще совсем кроха. Года полтора со стайкой таких же беспризорников скитался по стране. Фамилию, конечно, если и знал, то позабыл. Вот ему и дали новую в детдоме.

Баня уже достраивалась, когда Агейченков выбрался наконец на заставу Найденыша. Изменять что-либо было глупо. Сооружение получилось на славу: из природного крепкого камня, намертво схваченного высококачественным цементом. Оно даже имело подводку воды из близлежащего в горах ручья. Первое время воду из него таскали даже в столовую. Здание же самой заставы, особенно спальное помещение, стояло до сих пор в лесах. Не хватало бревен, досок, кровельного железа, гвоздей и, естественно, камня. Его теперь приходилось везти издалека.

– Ну, докладывай, Григорий Данилович, – нетерпеливо сказал Агейченков капитану, когда они удобно устроились в курилке, сделанной тоже на совесть. – Как же все это произошло?

– Неясно, как все вышло, товарищ полковник, – словно оправдываясь, сказал Найденыш и нахмурился. – Ну, убейте, не пойму, кто и когда умудрился поставить растяжку. Ведь часовой все время на вышке. У него приборы ночного видения есть. Несут службу слухачи хорошие. И ведь рядом с заставой!

– Давайте-ка подробнее, – попросил Агейченков.

– Тропа у нас тут боковая есть. Мы ею почти не пользуемся. Так, иногда кто за дровами в ту сторону сходит. После сильных ветров там много бурелома. Вот солдат из наряда на кухне и решил прогуляться в то место. Он этот путь хорошо знал. Никак не ожидал, что на «сюрприз» наткнется. И совсем светло было.

– О бдительности забыли. Совсем забыли, понимаешь! – поморщился Гокошвили.

– А когда по этой тропке кто-нибудь ходил? – спросил Агейченков, не обратив внимание на гневную реплику коменданта. Тот был, конечно, прав. Растяжку, правда, нелегко в траве заметить, но если ты настороже...

– Даже не знаю, товарищ полковник, – признался капитан. – Могу уточнить у солдат. Обычно-то мы за дровами к реке спускаемся. Там тоже и бурелом есть, и в заводи можно топляк выловить.

– Ну а все же, может, припомнишь? – вмешался снова Гокошвили. – Два, пять дней, неделю? Тут, понимаешь, каждый час важен! Кто-то же побывал недавно возле заставы, установил эту пакость, значит, знал, собака, что кто-нибудь тут пойти должен, понимаешь. Не иначе кто из местных. Они же тут каждый клочок земли знают!

– А где они, эти местные? – уныло качнул головой Найденыш. – В поселке за рекой всего несколько человек живет. В основном старики, женщины, дети. И все в один голос говорят, что эта война им осточертела. Кончать ее надо.

– На словах-то они все овечки, понимаешь! – возмущенно всплеснул руками Гокошвили. – А на деле... С двенадцати лет уже стрелять умеют, подлецы. А с наступлением темноты отрыл оружие – и на дело!

– Да не горячись ты так, Арсен Зурабович, – попытался урезонить не на шутку раскипавшегося коменданта Агейченков. – Не все же здесь люди плохие.

– Как не все, понимаешь?! – взвился горячий Гокошвили. Слова командира только подлили масла в огонь. – Война давно бы закончена была, если бы не тут живущее условно мирное население.

– Как ты сказал? – засмеялся Агейченков. – Условно-мирное... Это хорошо придумано.

– И верно, понимаешь, – подхватил комендант. – Кто как не сам народ дает пополнение в ряды боевиков?

– Ну, там и наемников полно, – заметил Найденыш. – Арабы, азербайджанцы, эстонцы, украинцы – разные там попадают.

– Эх, брось! – отмахнулся Гокошвили. – Если бы я не хотел никого на свою землю пускать, никакой дядя чужой сюда не сунулся!

Из землянки, где лежал раненый, вышла Тамара Федоровна. На полных, слегка покрытых нежным пушком щеках ее горел яркий румянец. Глаза возбужденно поблескивали, оттого, должно быть, казались еще более сумрачными и глубокими.

Волнуется, сразу определил Даймагулов, значит, плохи дела. Сейчас она была такой, как после тяжелой и не совсем удачной операции в госпитале (он как-то подсмотрел за ней случайно в один из таких моментов). Расстроенное выражение лица, однако, не портило ее, а скорее наоборот, придавало красоте этой женщины какое-то трагическое, неотразимо действующее на мужиков влияние. Для того чтобы привлечь к себе, покорить такое обаяние, Даймагулов был готов на все!

Мужчины заторопились к доктору. Попытались спросить: «Ну как там он? Выживет? Есть ли опасные для жизни повреждения?»

Она посмотрела на них печально и со вздохом сказала:

– Я не оракул и не господь бог, чтобы предсказывать смертный час человека. Но положение очень... очень тяжелое.

– Неужели настолько, Тамара, что даже ты ничего не можешь сказать? – воскликнул Агейченков.

И снова эти «Тамара» и «ты» резанули Даймагулову по сердцу, как острый нож. Он пристально поглядел на них обоих. Но ничего особенного не заметил. Лица были озабоченными, сумрачными, как и подобает в трагической ситуации. Никаких иных, более интимных эмоций на них не отражалось. И он попытался успокоить себя. Мало ли как могли пересекаться пути

служивых людей? Не исключено, что Тамара Федоровна лечила командира, возможно, делала операцию, как и Даймагулову. В жизни каких только парадоксов не бывает.

– Уж кому-кому, а вам-то, Николай Иванович, прекрасно известно, что медицина не все-сильна, – отпарировала Квантарашвили. – А я всего лишь рядовой хирург.

И то, что она называла командира на «вы» и по имени-отчеству еще более успокоило Даймагулова. Он решил, что они все-таки не так близки, как ему показалось вначале.

– Солдат нуждается в срочной госпитализации, – сказала Тамара Федоровна.

Агейченков поглядел вверх и угрюмо покачал головой. Небо над горами хмурилось, приобретая темно-лиловый предгрозовогой характер. Вокруг заснеженных вершин клубился густой серый туман, не предвещавший ничего хорошего.

Командир высказал свои опасения. Но врач осталась неумолимой.

– Надо вызывать вертолет, – твердо сказала она. – У парня тяжелая черепно-мозговая травма. Его надо оперировать, причем в стационарных условиях. Иначе я ни за что не отвечаю, товарищ полковник.

Ее строгость и принципиальность Даймагулову очень понравились. «А она держит с командиром дистанцию, – подумал он, – не меньшую, чем со мной».

Однако Агейченков оказался прав. На запрос Гокошвили по радиации диспетчер с аэродрома ответил, что погода не позволяет выпускать борты.

– Я и так и эдак пробовал уговорить, – расстроенно сказал комендант. – А он ни в какую, понимаешь! Чтoб ему... – выругался Гокошвили и виновато посмотрел на доктора. – Простите, товарищ военврач!

Она грустно улыбнулась:

– Ничего, майор, бывает. Я понимаю ваше состояние. Мне самой хочется выругаться. Считайте, что я не слышала ваших богохульств.

– Да бросьте вы! – досадливо сказал Агейченков. – Нашли время для церемониальной вежливости. Тамаре Федоровне, дорогой Арсен Зурабович, и не такое приходилось выслушивать. Когда человека режут по живому, он, знаешь, каким благим матом орет? Не будет же врач закрывать уши. Верно, доктор?

А он словно поддразнивает ее, мысленно отметил Даймагулов. И им снова овладели ревность и волнение. Не бывает же такого между малознакомыми людьми. Подкалывать только своих можно. А командир не с отрядной шатией-братией разговаривает, где допустимы разные вольности.

– Что будем делать, товарищ полковник? – спросил подошедший Найденыш. – Медлить-то нельзя!

– А ты что предлагаешь, Григорий Данилыч? – задал встречный вопрос Агейченков. Он любил, чтобы подчиненные принимали самостоятельные решения.

– Против небесной канцелярии не попрешь, – развел руками начальник заставы. – А раз так, то раненого надо бы в санчасть отряда доставить. Там все же есть кой-какие условия. Верно, доктор?

– Только не для таких сложных операций, – с сожалением сказала Квантарашвили.

– Но действовать все равно надо! – загорячился Гокошвили. – Нельзя, понимаешь, солдата без помощи оставлять! Отрядный лазарет – место более подходящее!

Он посмотрел на врача. Она пожала плечами: я, мол, все уже сказала.

– Решено! – подытожил Агейченков. – Спустим раненого к палатке – и вперед. Дай бог, доведем.

Она не стала возражать, только развела руками. Другого выхода все равно не было...

Назад ехали медленно и осторожно. Носилки с раненым поставили в кузов полуторки, вызванной Гокошвили из комендатуры. Рядом на открытой скамеечке пристроилась Тамара

Федоровна, ни на минуту не отходявшая от перебинтованного солдата. Несколько раз она просила остановить машину и делала ему очередной укол. Но боец только однажды пришел в сознание и попросил пить.

– А вот этого тебе как раз и нельзя, дорогуша, – мягко сказала доктор. – Ранение в живот – потерпи уж, пожалуйста, немного.

Смочив чистый бинт водой, она обтерла сперва губы, а потом и все лицо раненого.

– Так тебе будет легче, – сказала тихо, успокаивающе. И по ее грустным затуманенным глазам Даймагулов, ехавший с разрешения командира в полutorке – мало ли какая помощь может понадобиться в пути, – понял, что дела у пострадавшего неважные. И хотя доктор ничего не сказала о состоянии раненого, он догадался, что шансов выжить у него мало.

Даймагулов смотрел на безвольно обмякшее, но еще не утратившее былой мускульной силы тело пограничника, и горькие мысли все больше овладевали им. Сколько их еще, вот таких здоровых молодых парней, покалечит эта проклятая война? Ведь конца-то пока ей не видно, а ведется она все более изощренными, подлыми методами. Засады, ловушки, нападение из-за угла... Враг действует с таким коварством, и очень трудно бывает разоблачить его. Днем он – простой крестьянин с лопатой в руках, а ночью – бандит с автоматом. Но кому-то ж это выгодно! Вот узнать бы да добраться до него... Собственными руками придушил бы. И хотя он по натуре был человеком не злым и не кровожадным, скорее мягким, – тут, ей-богу, не дрогнул бы!

Блеск снежных вершин постепенно тускнел. Горы темнели, очертания их сливались, затягивались плотными сумерками. Ночь, глухая и непроницаемая, медленно заползала в Аргунское ущелье. Скоро в двух шагах от дороги ничего нельзя было разглядеть. Даже свет ярких автомобильных фар и тот быстро рассеивался, становился каким-то тускловатым, не способным, как прежде, пробить тьму. Вскоре над водой закружился туман; выползая из реки на дорогу, он еще больше ухудшил видимость.

Агейченков приказал шоферу сбросить скорость и посигналить, подавая тем самым следовавшим за ним машинам сигнал: делай, как я. Командирский газик возглавлял колонну. Николай Иванович знал дорогу как свои пять пальцев. Столько по ней ездил, что изучил каждый ее изгиб. Впереди нужно было преодолеть трудный участок: крутой подъем с лихо закрученным серпантинном.

Агейченков, как и Даймагулов, тоже думал о войне. Их мысли пересекались, однако командир не только анализировал события и извилистый ход боевых действий. Делая далеко идущие выводы, он пытался ответить на давно мучивший его вопрос: что нужно противопоставить противнику, его коварным методам? Не могут они действовать по старинке, как бы ни отстаивал свою точку зрения Ерков. Начальник штаба прав в одном – бдительность им нужно повысить и осмоторительность тоже. Ведь проверили бы люди на заставе Найденыша еще раз маршрут – не подорвался бы сегодня солдат на mine, не произошло бы в отряде это кровавое ЧП, за которое ему придется отвечать. Надо... непременно надо действовать по мудрой пословице: семь раз отмерь, потом отрежь. Методы охраны границы должны быть иными. Нельзя двигаться группами в двадцать и более человек по одним и тем же маршрутам, как это принято издавна. Боевики их уже знают и благополучно обходят. Им известно расположение застав, комендатур, постов. Знают местность они лучше пограничников – все-таки местные, могут проложить пути следования, неведомые пришлым людям.

Из-под колес выскочил заяц и, петляя по дороге, побежал в лучах светящихся фар. В другое время Агейченков непременно бы подстрелил косоного: было б свежее мясо к завтраку. Но сегодня – ни времени, ни настроения, и он только усмехнулся, глядя вслед удирающему зверьку.

Мысли продолжали лихорадочно работать в том же направлении. Что менять конкретно? Как усилить охрану границы, сделать ее непроходимой?

Теоретически-то Николай Иванович представлял, что надо сделать. Необходимо создавать рубежи охраны по горным хребтам и руслам рек, вытягивая туда пограничные заставы. Непременно нужно возродить систему визуального наблюдения. А службу наряда надо организовывать так, чтобы его место и путь продвижения периодически менялись и не были ни в коем случае известны боевикам.

Обо всем этом Агейченков написал докладную Ермашу. Ответа пока нет. Видно, в штабе регионального управления все еще раскачиваются. А время не ждет. Гибнут люди. Боевики и наемники мелкими группами продолжают проникать в Чечню тайными тропами. Улагай не зря встревожился и прилетел в отряд. Его беспокойство по поводу усиления ввоза в этот район фальшивой валюты и взрывчатки было основано не на пустом месте. О том свидетельствовали реальные факты, полученные из разных источников...

Поредевший было туман снова опустился и стал вдруг очень плотным. Агейченков понял, что они въехали в облако. Так не раз бывало. Плывущие на небольшой высоте облака натывались на горы и окутывали их, как ватой. Видимость даже в свете мощных противотуманных фар падала до трех-четырех метров. Ехать приходилось буквально на ощупь, что становилось крайне опасным. Николай Иванович хотел было остановить колонну и выслать вперед солдата с сильным фонарем, чтобы он указывал дорогу. Лучше ползти черепашим шагом, чем свалиться в пропасть. Однако дать команду он не успел, сзади послышался длинный хриплый гудок.

– Никак с полуторки сигналят? – прошептал водитель.

Гудок повторился.

– Точно, об остановке просят. Что-то случилось, – забеспокоился солдат.

– Остановись, – буркнул Агейченков и открыл дверцу, намереваясь выпрыгнуть.

Взвизгнули тормоза, и машина встала как вкопанная. Покинув ее, Николай Иванович размахисто зашагал по дороге. На душе стало тоскливо. Он подумал, что шофер его, вероятно, не ошибся: что-то произошло. Из кузова полуторки выпрыгнула Тамара Федоровна. Агейченков узнал бы ее статную изящную фигуру из тысячи других. Сердце екнуло.

– Товарищ полковник... – вскинула руку к головному убору и осеклась.

В свете фар он увидел ее искаженное болью лицо и все понял. Не довезли...

– Не надо слов, Тамара, – тихо сказал он и рывком привлек ее к себе. Она уткнулась ему в плечо и заплакала.

Глава 4

На плацу еще шла физзарядка. Только что вставший с постели Агейченков слышал, как дробно стучат по утрамбованному гравию солдатские ботинки. Жизнь шла своим чередом, точно выполнялся распорядок, что радовало командира.

По вкрадчивому стуку в дверь и мягкой в голосе просьбе: «Разрешите войти, товарищ полковник?» – Николай Иванович узнал полковника Метельского. Тот был нынче оперативным дежурным по отряду. Получив разрешение, в палатку ввалился его новый зам с красной повязкой на рукаве, сразу заполнивший собой чуть ли не половину импровизированного кабинета Агейченкова, где обычно свободно умещалось пять-шесть человек. Габаритами Максима Юрьевича природа не обидела. Он был полным, широкоплечим, высоченным мужиком. При входе ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой за притолоку. Да и в узкие двери Метельский просунулся как-то боком. Лицо у него было крупное, мясистое, с пухлыми щеками и двойным подбородком, на вид вроде очень добродушное, если бы не маленькие хитрющие глазки. Они суетливо бегали из стороны в сторону, и в них не угасал какой-то настороженный льдистый огонек.

Агейченков почему-то недолюбливал своего зама, хотя претензий к нему не имел. Максим Юрьевич никогда с ним не спорил, не ругался и был довольно исполнителен. Но именно в этой его послушности сквозило какое-то подбострастие. Так, по крайней мере, Николаю Ивановичу казалось. Метельский никогда не возражал ему, со всем соглашался, но и никаких революционных идей не высказывал, новшеств не предлагал, что, несомненно, кое-кому из начальства нравилось. Агейченков знал это по опыту работы в штабе округа и считал, что подобное качество как раз и способствовало взлету Метельского по служебной лестнице. Тем более что кадров на выдвижение на старшие командирские должности в войсках сейчас не хватало. Молодежь после окончания пограничных вузов не очень-то рвалась на заставы. Маленькая зарплата, бесквартирье, оторванность от цивилизации, невозможность найти женам офицеров работу в комендатурах, затерянных в глухомани, не способствовали тому, чтобы лейтенанты продлевали контракты. Многие уходили на гражданку. И вверх двигались далеко не самые способные и толковые молодые офицеры.

Метельский доложил, что за ночь в отряде никаких происшествий не произошло. Все идет по распорядку дня. Через полчаса с небольшим – время развода.

– Да, чуть не забыл, – добавил он после паузы, – из Ставрополя звонили. К нам собирается прилететь начальство.

– Когда? – спросил Агейченков. – И кто?

– Сообщат позднее. Вопрос решается.

Этого следовало ожидать. После ЧП кто-то из командования непременно прибывал в отряд, чтобы разобраться в случившемся. Такая установилась традиция. Начальству необходимо демонстрировать, что оно принимает меры и не зря ест хлеб.

Наверняка примчится опять Улагай, подумал Агейченков, отчетливо представляя, как тот будет его отчитывать. Пронзит недовольным взглядом, сдвинув свои лохматые брови-щетки, и начнет скрипеть: «Я же только недавно вас предупреждал, что надо повысить бдительность. А вы опять допустили ротозейство. Меры надо принимать! Было же сказано, что в данном районе усиливается приток контрабанды и идет через ваш ответственный участок. Где каналы ее проникновения? Не знаете! А вы обязаны это ведать, милейший полковник...»

Ну что ты на это скажешь? Контрразведчик оперирует проверенными данными, наверняка подкрепленными и МВД, и ФСК. Их не оспоришь. А отряд действительно в неведении. Никто ничего не знает. Ну хоть бы одна конструктивная мысль в голову пришла. И не только у него, командира, а и у всех его замов и помов. Они тогда, после отлета Улагая, собирались

и головы ломали. Ерков и Воцагин руками развели. Даймагулов с Метельским молчали, как в рот воды набрали. Рундуков тоже витийствовал не по делу. Неплохой он мужик, но комиссар из него, как дуга из оглобли. Ему бы батальоном командовать, а не разбираться в психологических нюансах поведения бойцов. Отряду сейчас необходим тонкий психолог, который смог бы не только с личным составом поработать, а и с местным населением.

Далеко за полночь они, конечно, пришли тогда кое к каким выводам. Прежде всего Воцагин обещал потрясти свою местную клиентуру. У него она хоть и крохотная: населения тут, в горной Чечне, кот наплакал, но есть, и он может кое-что узнать. Во всяком случае, попробует. Простым чеченцам до чертиков надоели война и разбой. Вот они и начали потихоньку помогать пограничникам... Не шибко, конечно. Но все же... Им все известно, только бы язык развязали.

Начштаба тоже не отстал от разведки. Он старой закалки человек, и голова у него работает. Ерков предложил немедленно усилить наблюдение за всеми, пусть даже полуразрушенными, мостами. Через эту бешеную Аргунь сейчас, в пору бурного таяния снегов, брода не найдешь, да и вплавь не всегда переправишься: не всякий решится. А за любые опоры, вбитые в дно поперек реки, даже без настила, можно зацепиться – и вперед!

В этом был определенный резон, и Агейченков приказал Даймагулову взять все переправы под свой контроль.

В то злополучное «сидение», когда совещались, даже тугодумный Рундуков не отстал на сей раз от остальных. Давайте-ка, сказал он, проверим всех, кто живет в нашем районе. Их не так уж много. Наверняка найдутся лояльные люди, с которыми можно поработать. При согласии на честное сотрудничество выделить им кое-что из спецпайка, в крайнем случае заплатить за ценные сведения. Они, может, и не помогут так активно, как агентура разведки, но кое-что подскажут, да и пакостить не станут. Людям же надо детишек кормить, стариков, а то у них боевики порой все под чистую выгребают для своих нужд. Бедолаги сводят еле-еле концы с концами.

Со всеми этими предложениями трудно, конечно, не согласиться. Кое-что они могли дать. Но по-прежнему не было решения главных вопросов: где каналы переброски контрабанды и почему она активизировалась в последнее время?

Еще одну дельную мысль уже наутро подсказал Даймагулов. За завтраком он как бы невзначай изрек:

– Есть, по-моему, еще одна, профилактическая мера, которая поможет уберечь нас от ЧП подобного рода.

– И какая? – заинтересованно спросил Агейченков.

– Давайте-ка назначим на каждой заставе группу дежурных саперов из трех-четырех человек. Специалистов не хватит – обучим тех, кто посмышленнее.

– А что это даст?

– Группа каждое утро будет проверять маршруты движения пограничников. К реке, скажем, за водой, к залежам валежника для топки печей, даже к пастбищам для свиней и коров на некоторых заставах.

– Кропотливая работа, – поморщился Агейченков. – Ты представляешь, Николай Николаевич, сколько сил и времени будет она у нас отбирать? На путях движения отрядов ведь тоже вперед надо пускать саперов, чтобы люди, не дай бог, на растяжки не наткнулись.

Даймагулов рассмеялся, обнажив свои белоснежные, крепкие зубы, которыми он мог запросто перекусить проволоку.

– Не забывай хорошую русскую пословицу, командир: без труда не вытащишь и рыбку из пруда. Так я распоряжусь?

Агейченков не стал возражать. Мероприятие действительно хоть и хлопотное, трудоемкое, но результаты дать вполне может.

Оперативный давно ушел, а командир, задумавшись, все сидел за столом. Да, дела у них идут далеко не блестяще: ЧП за ЧП и конца им не видно... Насколько они отстали от своих зарубежных коллег! Особенно в оснащении границы техникой. До середины девяностых их еще кое-как снабжали по полной мерке. А потом пошло-поехало... Старые запасы кончились, а новые покупать не на что. Государство разворовали, и стали мы беднее библейского Иакова. У них-то в отряде техника еще поновей – опасный участок, и то ломаться стала частенько. Ведь поставляют ее по крутым каменистым склонам, по бездорожью.

Не так давно директор ФСП на сборах командиров отрядов сказал им, не делая из этого секрета, что войска должны приобретать в год тысячу двести единиц автомобильной техники, а за последние двенадцать месяцев получили лишь семьдесят. Еще хуже у моряков. Вместо необходимых двухсот кораблей и полутысячи катеров они в лучшем случае получают значительно меньше. Куда же это годится? В американской береговой охране тысяча четыреста современных плавсредств, при том, что экономическая зона в три раза меньше. А ведь у нас длина морской границы равна почти полутора земным экваторам... Это шестьдесят одна тысяча километров.

Агейченков вздохнул. Тяжело признавать, что обеднели... оскудели погранвойска. Снабжаются из рук вон плохо. А уж про приборное оснащение и говорить нечего. Года полтора назад в составе делегации ездил Николай Иванович к своим коллегам в Финляндию и был буквально поражен. У них на заставах внедрили телекоммуникационные системы. Сидят пограничники в микроавтобусах – тепло, светло, и мухи не кусают. А по телевизору, установленному в машине, в одну сторону могут обозревать часть километров своих рубежей, и в другую столько же. Красота! Мышь не проскочит. Маленькая Эстония и та в пять раз больше наших технически обеспечивает своих погранцов.

Горестные размышления Агейченкова прервал осторожный стук в дверь, и голос, который он узнал бы из тысячи – звонкий, глубокий, волнующий – спросил негромко: можно ли войти.

– Разумеется! – обрадованно крикнул он, и сердце екнуло. Сейчас перед ним будет та единственная, неповторимая, которую, как ни пытался, забыть не смог. Разве что пару-тройку месяцев после развода еще злился, а потом наступило отрезвление, и он горько пожалел о случившемся. Все эти годы она часто снилась ему по ночам, желанная и обворожительная. Он ругал себя последними словами. Как все дурачки вышло! Они расстались практически из-за пустяка. Нет, причины кое-какие были, и упреков было предостаточно. Он и службу свою любит больше всего на свете, и внимания должного семье не уделяет, и на других женщин засматривается. А ты, мол, тоже хороша: не прочь вильнуть в сторону и флиртовать с любым смазливym мужиком – кровь-то горячая, бунтует. Тамара по матери была грузинкой, особой страстной, как считал Агейченков. Ему, мужику, достойного почтения не оказывает и покорности маловато: он для нее лишь предмет домашнего обихода, не более.

Такие абсурдные взаимные упреки! Ужас!

Позже-то Николай Иванович понял, что просто ревновал жену. Потому что любили оба – и здорово. По большому счету, жить друг без друга не могли, и радости близости коротких мгновений им было мало. Хотелось чего-то большего, всеобъемлющего, чтобы захватывало до конца и не отпускало до старости.

Но это он потом осознал, несколько лет спустя, пробыв сотни ночей в одиночестве, когда кровь бунтовала в жилах, а любимая женщина, единственная на свете, притягивала сильнее магнита. Ее никто не мог заменить. Он пробовал. Встречался с некоторыми, был близок с ними, даже значительно моложе Тамары приходили к нему. Все было вроде как надо: хорошо, приятно, тешило мужское самолюбие. И все же чего-то не хватало. Нежности, что ли? Или той доверительной чувственности, когда забываешь о себе и растворяешься в женщине, состав-

ляя как бы единое целое. Она становится для тебя действительно самой-самой, неповторимой, другой такой нет и не будет...

Она вошла в палатку немного смущенная, видимо, не зная, как себя вести, оставшись наедине с бывшим мужем. Он нашел ее такой же прекрасной, как и шесть, и десять лет назад. Тамара ничуть не изменилась... Это он рассмотрел особенно хорошо. Те же волшебные, без единой сединки блестящие волосы, черным, как смоль, ореолом обрамляющие ее прекрасное смуглое лицо с шальными ямочками на щеках; те же соколиные брови вразлет и глаза, бьющие наповал. Она ни капельки не постарела, только стала чуть посolidней. Изящество и красота остались при ней, только стали какими-то основательными – это приходит только с возрастом и сильнее всего действуют на мужчин, если те, конечно, понимают эту метаморфозу зрелости. А Николай Иванович был как раз из таких, видел не броскую, а акварельную красоту. Вероятно, потому, что сам слишком много испытал, прочувствовал, знал, что такое холод одиночества и тоска по духовно близкому человеку. С годами он, наверно, просто стал мудрее...

– Ну, здравствуй, Николай Иванович! – тихо слетело с ее полных, четко очерченных губ цвета распустившейся розы. Когда-то он так любил целовать этот алый букет, каждый раз испытывая его живительную свежесть.

Хорошо, что хоть не на вы, подумал Агейченков с горечью. Но почему обязательно Иванович? Ведь всегда звала Колюшей, Колюнчиком, и это так здорово звучало! Неужели так и не простила? А что, собственно, следовало прощать? Он никогда не хамил ей. Они никогда вдрызг не ругались. Если и спорили, то культурно, вежливо. Колкие, обжигающие взгляды, которыми иногда обменивались, не в счет. Их, как говорится, к делу не пришьешь. Вот разве зарубки на сердце остаются... Да и не так просто их заглаживать, всю жизнь о себе частенько напоминают. А это похуже любой физической травмы. Та может зарубцеваться, а душевная рана незрима: хочешь того или нет, остается в душе навсегда и напоминает о себе всякий раз, когда соприкасаешься с прошлым. На кой черт и кому нужен был тот разрыв, что между ними произошел?

Они встретились глазами, будто заглянули в душу друг другу. Агейченкову вдруг показалось, что взгляд ее обласкал его, как в былые времена. Он даже внутренне вздрогнул. Неужели?.. Но черные большие родные глаза сверкнули былым блеском и погасли. Тамара быстро опустила их.

– Я подготовила для отправки все бумаги, тебе остается только их подписать.

У него чуть не вырвалось: о чем ты? Но он вовремя прикусил язык. За своими горькими переживаниями забыл о тяжелейшем ЧП в отряде. Хорош командир! Без сопровождающих документов «груз-200» не отправишь.

– Давай сюда, – нахмурился он, тоже переходя на деловой тон. Внутри осталось острое сожаление, что нужного разговора, который мог состояться – он его так ждал! – не получилось. Ему надо было многое, очень многое ей сказать... Жаль!

В палатку заглянул посыльный из штаба.

– Товарищ полковник, вас на завтрак ждут, – торопливо выпалил он. – Все стынет, сказал завстоловой. Третий раз подогревают. Очень просили побыстрее прибыть.

Агейченков покосился на Тамару.

– Ты тоже наверняка ничего не ела?

– Нет, спасибо, я уже позавтракала.

Ее отказ вызвал у него горькое сожаление. Очень хотелось еще хоть немного побыть с ней, поговорить о чем-нибудь и хоть посмотреть на давно не виденного очень дорогого человека. Он еще подумал: могла бы и не отказываться. Просто посидеть с ним за столом, попить чаю. Но раз не хочет... Он тоже должен быть гордым, держать марку.

– Иду, – сказал Агейченков солдату. – Так и передай прапорщику, через минуту буду.

– Да, вы уж поторопитесь, товарищ полковник! – воскликнул посыльный. – Я совсем забыл. Дежурный велел передать, что командующий уже вылетел из Владикавказа.

Новость была ошеломляющей. Агейченков никак не ждал, что в отряд нагрянет сам начальник регионального управления. Он ждал прибытия Улагая и внутренне приготовился к этому. Зная, какие вопросы может задать контрразведчик, уже дал задание своим подчиненным подготовить кое-какие справки. Но приезд шефа все менял. Это было и хорошо, и плохо...

Лучше всего сразу дать полный отчет обо всем случившемся, чем потом докладывать на военном совете, – так проще и лучше. Однако Ермаш не станет въедливо докапываться до деталей происшедшего, как это сделал бы Улагай. Ему сразу подавай выводы, которые сделаны из случившегося, и, главное, конкретные предложения по предотвращению подобных неприятных инцидентов впредь. Чтобы такие трагедии больше не повторялись. Любимый вопрос генерала был: «Ну и как дальше жить собираешься, дорогой полковник? Поведай старику...» И хотя Ермаш был старше Агейченкова всего на какой-то десяток лет, но принадлежал он к старшему поколению пограничников; тем более что командовал практически воюющим округом, называемым ныне Северо-Кавказским региональным управлением...

После завтрака Агейченков хотел переговорить с начальником штаба по поводу предложения Даймагулова. Ему понравилась идея о создании на заставах мобильных саперных групп, оперативно проверяющих маршруты движения пограничников. Трудоемкая, конечно, работа, но может дать неплохой результат. Однако изложить Еркову все, что было уже придумано, Николай Иванович не успел, хотя основное тот уловил. Послышался далекий рокот вертушки.

– Быстро же генерал до нас добрался из Владикавказа, – заметил начштаба, смотря на север, откуда приближался шум двигателя. – И сорока минут не прошло, как вылетел.

– Тут расстояние по прямой небольшое. К тому же ты, Семен Яковлевич, знаешь, какие ассы ведут его маршрут, – улыбнулся Агейченков.

– Говорят, командир экипажа с Ермашом еще в Афгане летал.

– Насчет Афгана не знаю. А вот в первую чеченскую, когда генерал был еще начальником штаба округа, и первый и второй пилот с ним пару раз в отчаянные переделки попали. Их даже раз подбили. Садись, что называется, на одном крыле. Винт уже не фурычил.

Быстро подъехал командирский уазик, вызванный из гаража оперативным дежурным. Агейченков, Ерков и присоединившийся к ним Метельский забрались в него, и машина понеслась вверх, к посадочной площадке. Вертолет уже вынырнул из ущелья, по которому шел. Летел он, как это теперь принято, очень низко, практически недостижимо для «стингера»... Ракета «земля-воздух» все-таки значительно опаснее, чем крупнокалиберный пулемет, обстреливающий откуда-нибудь из землянки летящий на небольшой высоте аппарат...

Когда уазик выбрался наверх, «вертушка» уже заходила на посадку. Придерживая руками фуражки, офицеры приблизились к машине. Ермаш легко сбежал по металлической лестничке, выброшенной из двери вертолета, и принял рапорт Агейченкова. Был он сух, поджар и оттого, должно быть, казался выше ростом. Это впечатление усиливала фуражка с высоченной тульей, плотно сидевшая на лобастой голове, обрамленной жесткой шевелюрой пепельных волос. Когда-то, очевидно, они были русыми, теперь же господствовала сплошная седина. Слегка впалые смуглые щеки были выбриты до синевы. На левой скуле отчетливо просматривался побелевший косой шрам. Агейченков знал, что Ермаш получил это ножевое ранение в схватке с контрабандистами, пытавшимися уйти за кордон с большим грузом женшена. Дело было в Приморье, и служил тогда капитан Сергей Ермаш всего лишь начальником заставы. Об этом в свое время много писали газеты.

– Не хотите ли позавтракать, товарищ генерал-лейтенант? – спросил Метельский. В его голосе Агейченкову послышались слишком уж угодливые нотки, и он с неприязнью подумал:

«Мой зам в своем репертуаре». По сути, предложить это командующему должен был он, командир отряда.

– Уже, – буркнул Ермаш, здороваясь с офицерами за руку. – Владикавказцы подхарчили перед полетом.

Он сел в машину рядом с водителем. Офицеры разместились на заднем сиденье. Уазик рванулся, как застоявшийся конь. Генерал неодобрительно глянул на шофера. Он не любил лихачей и вообще, по мнению Агейченкова, был не в духе. Часто хмурился, во взгляде не было привычной строгой доброты – смотрел холодно, отчужденно. Глаза, словно остекленевшие, отливали свинцовым блеском, что было недобрый признаком. Агейченков с удивлением подумал: неужели его наше ЧП так выбило из колеи? Он знал Ермаша как очень выдержанного, рассудительного, сурово-властного военачальника, чрезвычайно редко позволяющего себе открыто сердиться, тем более кричать на подчиненных. Там, где идет война, командующему, пусть даже очень переживающему за гибель солдата, не пристало показывать это прилюдно. Что-то тут было не так... Да и поджатые губы генерала, за всю дорогу не проронившего ни слова, тоже не свидетельствовали о хорошем расположении духа. Обычно он на ходу задавал вопросы, интересовался всем новым, что попадалось на глаза, расспрашивал о жизни, настроении бойцов. Ледяное же молчание не предвещало ничего доброго.

Агейченков терялся в догадках. Таким суровым и насупленным он командующего еще не видел. Неужели случилось еще что-нибудь, о чем они пока не знают?..

Вполне возможно. Отряд большой: десятки застав, масса приданных подразделений. Вдруг где-то что-то опять произошло из ряда вон выходящее?

Пока они добирались до места, Николай Иванович так ничего и не смог придумать, чтобы объяснить чрезвычайную хмурость командующего.

В штабную, как ее называли, палатку, где обычно проводились все собрания и совещания: она вмещала более сотни человек при необходимости, – народу набилось густо. Сюда пришли начальники отделов и служб, командиры своих и приданных подразделений и, конечно, почти все штабники, включая Рундукова со своей командой, которому и вовсе нечего тут делать.

Все вытянулись, когда вошел командующий. В палатке наступила звенящая тишина. Ермаш обвел офицеров тяжелым пристальным взглядом и неожиданно сказал:

– А разве я собирал совещание? Вам что, делать нечего? – Он помолчал и тем же резким тоном добавил: – Всем по местам! Занимайтесь своим делом – охраной государственной границы! Кто потребует, вызову. Со мной остаются командир и начальник штаба.

Все заторопились к выходу. Через минуту палатка опустела. Ермаш тяжело опустился в кресло у трибуны и жестом предложил присесть на скамейку напротив стоящих навывтяжку Агейченкова и Еркова. Взгляд его оставался по-прежнему тревожно-печальным, а лицо каким-то скорбно-задумчивым. У Николая Ивановича снова екнуло сердце. Он слишком хорошо знал своего командующего. Что-то определенно случилось! И довольно серьезное...

Генерал просверлил их взглядом и сказал:

– Ну что, дорогие полковники, достукались? Люди гибнут у вас среди бела дня на хоженных и перехоженных дорожках. Так дело не пойдет!

Ответить на такой упрек было нечего. Да командующий, по-видимому, и не ждал от них ответа. Он сказал то, что лежало у него на сердце. Ситуация была предельно ясна. И известна генералу во всех нелестных подробностях. Кто бы другой докладывал ему о случившемся, он мог как-то смягчить краски. Но только не Улагай. Он резал, как сам не раз повторял, правду матку в глаза и картину рисовал в самых язвительных тонах.

Генерал отвернулся и долгим-долгим взглядом уставился в окно. Пауза затянулась, что энергичный, скорый в действиях Ермаш, как было известно Агейченкову, не любил.

– Разрешите доложить, товарищ генерал? – не выдержав, нарушил наконец мучительное молчание Ерков слегка осипшим от волнения голосом.

– А что вы можете сказать мне нового, уважаемый Семен Яковлевич? – усмехнулся Ермаш одними губами. – Обо всем случившемся в отряде изложено в вашем же подробном донесении. Я читал его. Да и Роман Трофимович кое-что добавил как очевидец.

– Но в моем донесении нет наших последних выводов, – упрямо возразил Ерков. Если ему больно наступали на хвост, он всегда шел напролом.

Генерал покосился на него одобрительно. Он любил напористых людей.

– Ну и каковы же они, эти ваши аналитические выводы?

Он слушал начштаба, не перебивая. Только попросил подробнее объяснить схему предварительной саперной проверки коммуникаций. Ерков и ее сумел включить в свой доклад.

– Неплохо придумано, – хмыкнул Ермаш, выслушав начштаба до конца. – Надо попробовать распространить ваш опыт. Напишите нам подробную докладную по этому поводу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.